

Григорий БОНГАРД-ЛЕВИН

Индия и индологи в жизни и творчестве Вяч. Иванова

Для тех, кто знаком с жизнью и творчеством Вяч. Иванова, название статьи может показаться более чем странным, не отражающим сферу поэтических и научных интересов выдающегося русского поэта, философа, мыслителя: в Индии писатель никогда не был, не переводил произведения индийской классической литературы; его творческие замыслы были связаны с иной, прежде всего с западной, античной традицией и с религиозно-философской мыслью и культурой России. Однако широта его увлечений и творческих замыслов, прежде всего «дионисийская эпопея», заочные и очные встречи с профессиональными индологами и приверженцами индийской традиции — все это неминуемо вело к изучению Индии и ее культуры. В этом убеждают не только его опубликованные произведения и эпистолярное наследие, но и архивные материалы, которые пока не привлекали специального внимания исследователей. Имеющиеся прямые и косвенные свидетельства, связанные с Индией и ее культурой, лучше всего рассмотреть в хронологическом порядке жизни и творчества Вяч. Иванова.

В архиве Иванова сохранилась датированная 1884 г. самодельная тетрадь ¹, в которой собраны (возможно, для последующей публикации) стихотворения, и среди прочих стихотворение «Бог (из Бгавадгиты)» с пометой — «июнь» ². Показателен интерес юного абитуриента, готовящегося к поступлению на историко-филологический факультет Московского университета, к одному из самых знаменитых и популярных древнеиндийских сочинений. Он довольно точно передал не только основные идеи этого религиозно-философского текста, но и терминологически был предельно точен. Что явилось конкретным источником для написания этого стихотворения, установить трудно, но можно предполагать, что Иванов пользовался западноевропейскими переводами, скорее всего немецкими (ибо он

с детства хорошо знал немецкий язык), или трудами, в которых приводились переводы или пересказы «Бхагавадгиты». Хотя в России ее первый перевод появился еще в 1788 г., но для широкого читателя он был вряд ли доступен, а других — широко известных переводов — не существовало³. Позднее «Бхагавадгита» (или «Гита») стала очень популярна в России; к ней многократно обращались деятели русской культуры (в том числе и А. Белый, и К. Бальмонт), но Иванов был первым русским поэтом, который задолго до писателей и поэтов Серебряного века посвятил диалогу между Кришной и Арджуной о нравственности и долге свое сочинение.

Свое знакомство с индийской культурой, в том числе с «Бхагавадгитой» — частью эпической поэмы «Махабхарата», Иванов смог продолжить в Московском университете, куда он поступил в сентябре того же, 1884 г. На историко-филологическом факультете преподаванию классических и восточных языков уделялось особое внимание. Согласно новому университетскому уставу, принятому незадолго до поступления Иванова (5 августа 1884 г.), на историко-филологическом факультете действовала кафедра «сравнительного языкознания и санскритского языка»⁴, на которой со студентами ежегодно велись занятия по санскриту. Его преподавал Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — по специальности лингвист-иранист, этнограф и археолог⁵. Один из выпускников факультета, известный впоследствии историк П. Н. Милюков, рассказывая о своих занятиях в 1877–1878 гг., писал: «Нас вводил в тайны примитивного человечества молодой и живой преподаватель Всеволод Миллер. Мы слушали у него санскритский язык, переводили “Наля и Дамаянти”⁶ и дошли даже до гимнов “Ригведы”»⁷. Совместно с профессором Киевского университета Ф. И. Кнауэром (1849–1917) Миллер составил «Руководство к изучению санскрита (грамматика, тексты, словарь)», которое было издано в Санкт-Петербурге в 1891 г. и стало в России на многие годы основным учебным пособием по санскриту⁸. В 1907 г. Кнауэр издал в Лейпциге, в русской типографии В. Другулина «Учебник санскритского языка. Грамматика. Хрестоматия. Словарь». Этот учебник также был очень популярен у занимавшихся санскритом. Именно этим учебником, как мы увидим, пользовался Иванов при своих занятиях санскритом в Баку (интересно, что и для преподававшего ему санскрит В. Б. Томашевского, когда он учился в Санкт-Петербургском университете, учебник Кнауэра был основным учебным пособием по санскриту).

Важным событием в жизни молодого Иванова стала встреча с Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941) в Париже весной 1891 г., встреча, которая переросла затем в личную и творческую дружбу, длившуюся долгие годы⁹. Еще в годы учебы в Петербургском

университете Гревс активно включился в студенческое движение, затем вошел в «Приютинское братство», членом которого были также В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской, А. А. Корнилов и братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурга¹⁰. К отъезду Гревса в научную командировку во Францию и Италию его друг Сергей Федорович Ольденбург, несмотря на молодость, уже преподавал в Петербургском университете и зарекомендовал себя как первоклассный индолог. В 1890 г. он был избран академиком Петербургской Академии наук.

Летом 1887 г. Ольденбург был в научной командировке в Париже и работал с санскритскими рукописями в Национальной библиотеке (в своих письмах к Гревсу он рассказывал о встречах с французским санскритологом С. Леви — в будущем одним из самых известных индологов мира¹¹). В Петербургском филиале архива РАН сохранилась рукопись Гревса о его первом путешествии на Запад летом 1889 г.¹² Вот его запись об Ольденбурге, с которым он провел вместе две недели до своей поездки: «Он сам [Ольденбург] тогда только что вернулся после двухлетней командировки, много жил в Париже, весь был полон заграничными научными и художественными впечатлениями.

Беседы с ним очень хорошо прибавили мне вдохновенья и сообщали важные сведения». Из Парижа 26 мая (7 июня) 1891 г. Гревс писал Ольденбургу: «Ты для меня в научном отношении один из самых высоких авторитетов»¹³. Судя по письмам Ольденбурга, он принимал самое активное участие в научной судьбе своего друга — Ивана Гревса, помогал ему советами, договаривался с руководством университета о продлении его командировки (зная о поездке Гревса в Париж, Ольденбургский послал ему рекомендательное письмо к своему Парижскому коллеге и другу санскритологу С. Леви. Гревс, судя по письмам Леви к Ольденбургу, встречался с ним)¹⁴. Нет сомнения в том, что Гревс рассказывал Иванову о своих петербургских друзьях, в том числе и, прежде всего, о Сергее Ольденбурге, с которым Гревс продолжал переписываться, находясь в Италии¹⁵.

И когда летом 1892 г. Гревс обсуждал с Ивановым вопрос о продлении своей заграничной командировки, Иванов самостоятельно, даже без ведома своего друга, обратился за помощью к Ольденбургу, хотя и не был с ним лично знаком. И вскоре Иванов получил от Ольденбурга благодарственный ответ, который заканчивался следующими словами: «Позвольте дружески пожать Вам руку и надеяться, что судьба сведет нас когда-нибудь вместе — от Москвы до Петербурга недалеко. Преданный Вам С. О.»¹⁶.

Именно Гревс познакомил Иванова с Александрой Васильевной Гольштейн, которая с 1876 г. жила в Париже, но которая еще до отъезда за границу была дружна с членами «Приютинского братства» (будущая жена Иванова — Л. Д. Зиновьева-Аннибал дружила с се-

мьей Гольштейн еще раньше). Гольштейн наряду с прекрасным знанием французской и английской литературы увлекалась Индией, ее религиями, питала особый интерес к теософии. «Парижский салон» Гольштейн посещал, находясь в Париже, Ольденбург. Был в гостях у Гольштейн и Леви. Возможно, что об Ольденбурге Иванову могла рассказывать и Гольштейн. В письме Иванова Гревсу из Парижа от 16/28 декабря 1895 г. он сообщал: «В последнее время я имел удовольствие много говорить о Вас с людьми, столь любящими Вас, как Гольштейны, особенно с Александрой Васильевной, которая относится ко мне с большой добротой и дружественностью»¹⁷. Личное знакомство Иванова с Гольштейн, посещение ее салона в Париже оказало влияние на его особую увлеченность Индией. Об этом ясно свидетельствует переписка первых лет XX в. Иванова и Зиновьевой-Аннибал с семьей Гольштейн.

В своем письме, посланном В. А. Гольштейну 18/28 ноября 1902 г., Зиновьева-Аннибал так рассказывает о жизни и работе Иванова: «...работает хорошо и разнообразно. В университете здесь знаменитый санскритолог (речь идет о Фердинанде де Соссюре — известном швейцарском лингвисте. — Г. Б.-Л.), и Вяч<еслав> исполнил то, к чему давно его нудило: изучает санскрит. Ему это необходимо почти, если не совсем даже как для научных изысканий в области истории религий, так и даже для поэтического творчества, которое близко соприкасается с ученым»¹⁹. В этом письме есть приписка самого Иванова: «Дорогой друг, любимый и уважаемый сердечно Владимир Августович! Примите столь — увы! — запоздалое выражение моей постоянно обновляемой Вам благодарности. Чувствую себя хорошо, работаю и все надеюсь на свидание и часто вздыхаю по общению с Вами и Александрой Васильевной. Ей целую ручки и часто вспоминаю ее, углубляясь понемногу в открывающуюся мне Индию»²⁰.

Свое возросшее увлечение Индией Иванов прямо связывает с Гольштейн, хотя главная причина его интереса к Индии и санскриту определялась изучением в это время дионисийской религии. В вышедшем в Санкт-Петербурге в 1902 г. сборнике «Кормчие звезды» Иванов посвятил Гольштейн один из сонетов «Tat twam asi»²¹:

В страждущем страждешь ты сам: вместе сораспяться живому.

В страждущем страждешь ты сам: мужествуй, милуй, живи.

Сохранилось и письмо Иванова от 23 января (5 февраля) 1903 г. к Зиновьевой-Аннибал, в котором он сам говорит о лекциях де Соссюра: «Дорогая Радость! Известий от тебя из Петерб<урга> все еще нет. Проходят впечатления дороги. О них скажу, что так жить

нельзя. Нельзя жить абсолютным, и нельзя жить без “*aḥamkāra*”, что значит в санскрите “делание я, самоутверждение, центробежная, эгоцентрическая сила”... Была лекция de Saussure»а — продолжение последней до болезни. Он спрашивал о нашем здоровье»²².

О своих занятиях санскритом с Ф. де Соссюром в Женеве Иванов упоминает в своем «Автобиографическом письме», написанном в январе-феврале 1917 г.²³, — факт для него, очевидно, весьма важный. Об этих занятиях он сообщал Гревсу из Женевы (вилла «Ява») 31 октября / 13 ноября 1902 г.: «Божества и культы и мифы составляют предмет моих научных *préoccupations*²⁴. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой... я занимаюсь санскритом у проф. F. de Saussure, который ведет нас — своих двух слушателей — со школьной взыскательностью. Пожалуйста, не обвиняйте годов меня в дилетантизме! Хотя интерес к санскриту и Индии принадлежит к моим старинным умственным вожделениям, все же я бы не обратился к этим новым занятиям, если бы они не имели тесной связи с занимающими меня вопросами религиозно-исторического характера. Общій, великий и многоликий, феномен дионисийской религии — в центре моих научных интересов и представляется мне в ряде отдельных феноменов, которых два-три, ближайшим образом, я исследую систематически»²⁵.

В фонде Иванова сохранилась книжка слушателя филологического факультета Женевского университета с датой записи (20 ноября 1902 г.): единственный курс, за который Иванов заплатил 10 франков, — курс санскрита у Ф. де Соссюра на зимний семестр 1902/03 г.²⁶ В фонде Иванова сохранилась и визитная карточка Ф. де Соссюра с надписью швейцарского лингвиста²⁷:

«Дорогой господин,

Сожалею, что мы не встретились во время Вашего визита, и прошу принять мою глубочайшую благодарность за том стихов, который Вы мне подарили с элегантным посвящением. Эта книга вновь рождает горечь, которую я всегда испытывал от того, что не владею Вашим прекрасным русским языком; я могу любоваться им лишь издали, как специалист по грамматике, но, увы, без проникновения в его тайны. Позвольте мне с полным доверием выразить Вам мои поздравления по поводу недавнего выхода в свет Вашего произведения».

Можно полагать, что Иванов и Ольденбург встречались в Петербурге во время кратких приездов писателя из-за границы и когда широкой известностью среди высших кругов северной столицы пользовалась ивановская Башня. У них было немало общих друзей, в том числе и среди профессоров университета, и в академических кругах.

Одним из них, без сомнения, был известный историк М. И. Ростовцев, с которым Иванов подружился в Италии еще во время своей первой командировки и с которым он поддерживал добрые отношения вплоть до отъезда ученого за границу в июне 1918 г. Ростовцев постоянно посещал Башню, был коллегой Ольденбурга и по университету, и по Академии наук (они постоянно встречались на различных заседаниях; более того, и Ростовцев, и Ольденбург были крупными деятелями кадетской партии). Ростовцев был одним из главных инициаторов публикации написанной по-латыни диссертации Иванова в «Записках Императорского Русского археологического общества»²⁹. Для передачи рукописи своей книги и проведения переговоров Иванов приходил в Общество и встречался с ученым секретарем профессором С. А. Жебелевым — Ольденбург был тесно связан с Обществом и неоднократно печатался в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» начиная с 1897 г.³⁰ Об интересе Ольденбурга к творчеству Иванова свидетельствует наличие в его библиотеке, хранящейся ныне в Центральной научной библиотеке Академии наук Таджикистана, двух книг поэта: 2-й части *Cor ardens. Любовь и смерть. Rosarium* (М., 1911) и *Младенчество* (Пг., 1918)³¹.

Ольденбург принял деятельное участие в организации готовящегося отъезда Иванова за границу в мае 1920 г. В письме от 15 мая, направленном из Москвы Гревсу в Петербург, Иванов выражает своему другу «величайшую благодарность за то, что выхлопотал мне академическую грамоту»³². Несколькими строками ниже Иванов пишет: «Считаю уместным поблагодарить в прилагаемом письме и лично Сергея Федоровича»³³. В Петербургском филиале архива Академии наук сохранился рукописный текст удостоверения (на французском языке) о командировании Академией наук Иванова за границу. Подписан документ Ольденбургом:

«Предъявитель настоящего господин Вячеслав Иванович Иванов, автор многочисленных научных трудов в области классической филологии, командирован Российской Академией наук за границу с научной целью.

Российская Академия наук просит правительственные и научные учреждения, а также всех представителей власти и частных лиц оказывать их просвещенное содействие господину В. И. Иванову для выполнения миссии, возложенной на него Академией.

Непременный секретарь

Академик

За Начальника канцелярии

Управляющий делами

С. Ольденбург

Ф. Голубин

О. Нордгейм»³⁴.

Это удостоверение было выдано Иванову в связи с его официальной просьбой, обращенной им к Российской Академии наук³⁵.

Поездка в Италию в 1920 г. не состоялась. Вскоре Иванов оказался в Баку. Начался новый — бакинский период в жизни и творчестве писателя. О его научной работе, преподавательской деятельности и занятиях мы знаем из эпистолярного наследия Иванова и воспоминаний современников. В Баку после многолетнего перерыва Иванов возвращается к изучению санскрита. И возвращается не только потому, что завершал «большую работу на основе прежних рукописей, но в радикальной переработке: “Дионис и прадионисийство”»³⁶. Главной причиной, как нам кажется, была встреча с Всеволодом Брониславовичем Томашевским (1891–1927). Несколько слов об этом ярком и талантливом человеке необычной судьбы, первом ректоре Ленинградского университета (в 1926 г.).

Томашевский поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1909 г. и учился на кафедре общего языкознания и санскритского языка³⁷ у выдающегося лингвиста И. А. Бодуэна-де-Куртене (1845–1929) и у крупного филолога Л. В. Щербы (1880–1944). Учениками И. А. Бодуэна-де-Куртене были также такие известные в будущем ученые, как М. Р. Фасмер, Б. В. Владимирцев, П. В. Ернштедт. Во время учебы Томашевский прослушал лекции по языкознанию и сравнительной грамматике славянских языков у И. А. Бодуэна-де-Куртене, введение в славяноведение у П. А. Лаврова, посещал семинары по сравнительному языкознанию Л. В. Щербы, занимался у Ф. И. Щербатского³⁸ грамматикой санскритского языка, у Г. К. Меклера³⁹ — чтением санскритских текстов⁴⁰. Согласно «Обзору преподавания наук в Императорском Санкт-Петербургском университете на 1910–1911 гг.», на кафедре сравнительного языковедения и санскрита историко-филологического факультета приват-доцент Г. К. Меклер читал курс санскритской грамматики и разбирал со студентами текст «Наль и Дамаянти»⁴¹. По «Обзору» за 1911–1912 гг., Г. К. Меклер читал, переводил и, объясняя «Наль и Дамаянти», рекомендовал студентам учебник Кнауэра⁴²; за 1912–1913 гг. ситуация была сходной: курс санскритского языка Г. К. Меклера и в качестве пособия учебник Кнауэра⁴³.

В студенческие годы Томашевский активно включился в революционную борьбу; в 1914 г., еще до окончания университета вступил в большевистскую партию, участвовал в Гражданской войне, был комиссаром Волжско-Каспийской флотилии; когда Красная армия освободила Баку, он был назначен заместителем Народного комиссара просвещения Азербайджана и вел большую преподавательскую работу в Бакинском университете как профессор кафедры языкозна-

ния. В Баку Томашевский вернулся к научной работе, стал готовить диссертацию по индоевропеистике⁴⁴.

Когда Иванов и Томашевский встретились в Баку, то, несмотря на разницу возраста и политических позиций, они сразу же подружились. О встречах Иванова и Томашевского писали в своих воспоминаниях М.С. Альтман⁴⁵, Л.В. Иванова⁴⁶ и ученица Иванова Е. А. Миллиор⁴⁷. С Томашевским Иванов возобновил свои прежние жевневские занятия санскритом. В письме от 6 июля 1922 г. Иванов, обращаясь к Ольденбургу — Непременному секретарю Академии наук — с просьбой прислать необходимые для развития филологической науки книги, писал: «У нас (т. е. в Бакинском университете. — Г.Б. — Л.) читаются и Зендавеста⁴⁸, и санскрит, в коем упражнении занят в качестве ученика и Ваш покорный слуга. Не могла бы Академия помочь крайней нужде нашей своею *minificentia*⁴⁹, высылкой своих изданий или хотя бы временною, на некий срок, высылкою нам некоторой, скромной по объему, но нужнейшей филологической библиотеки в форме выдачи в пользование университету, или факультету, или отдельным его членам книг из резервов Ваших книгохранилищ?»⁵⁰. Вспоминая о встречах в Баку с Ивановым, Альтман сделал следующую запись от 13 февраля 1921 г.: «6 часов вечера. В. наскоро ест обед, едва готовый, спеша на санскрит, которому он с юношеским увлечением предается»⁵¹.

Ценнейшим свидетельством увлеченности Иванова санскритом в бакинский период являются две тетради с записями его занятий этим языком⁵². На 18-м листе тетради из Римского архива написано «Томашевский», и далее, очевидно, запись его пояснений с индоевропейскими, в том числе славянскими параллелями, а на правом поле 5-й страницы второй тетради (хранится в ОР РГБ) стоит дата занятия — 5 февраля (ср. вышеприведенное свидетельство Альтмана о занятии Иванова санскритом 13 февраля 1921 г.).

Рассмотрим подробнее содержание этих «санскритских тетрадей». Тетради — ученические, на обложке — портрет поэта Н. А. Некрасова; после напечатанного «тетрадь для» рукой Иванова написано «санскрита» № 1 и № 2; внизу инициалы «ВИ». На внутренней стороне обложки напечатано: Книжный, писчебумажный и канцелярский магазин «Просвещение». Будучи уже знакомым с основами грамматики санскрита, Иванов сразу же приступает к разбору и переводу одного из рассказов «Панчатантры» — популярного сборника древнеиндийских басен, составленного в III–IV вв. н. э. Иванов передает, абсолютно точно проставляя лигатуры, долготы, подстрочные и надстрочные знаки, сандхи и т. д., транслитерацию текста; иногда приводятся примеры спряжения глаголов, фонетические и грамматические уточнения⁵³. В первой

тетради содержится русский перевод (и соответственно разбор слов и глагольных форм) большей части пятого рассказа из IV раздела «Панчатантры» («Утрата приобретенного»). Перед текстом и переводом Иванов написал: «Из Pancatantra (Пятикнижие)». В учебнике Миллера и Кнауэра и в учебнике Кнауэра этот рассказ назван «Как вознаграждает женщина за любовь»⁵⁴.

Показательно, что при разборе почти каждой фразы санскритского текста приводятся старославянские, а также нередко и древнегреческие параллели. Сравнение переводов слов и приводимых параллелей в первой санскритской тетради Иванова с учебником Миллера и Кнауэра и учебником Кнауэра показывает, что Иванов пользовался учебником Кнауэра, так как в учебнике Миллера и Кнауэра параллелей нет.

Опираясь в своих занятиях на учебник Кнауэра, Иванов не слепо следовал словарю, включенному в учебник; он нередко приводит другие значения слов и дает иные параллели с греческим и старославянским. Язык блестящего филолога, великолепного знатока древних и современных ему культур был несравненно богаче, чем словарный список учебника Кнауэра. В этом нас убеждает перевод Иванова текстов из «Панчатантры» (см. Приложение).

Если в первой тетради — текстовой разбор и русский перевод одного из рассказов «Панчатантры» и лишь начала 1-й главы эпической поэмы «Махабхараты» — сказания «Наль и Дамаянти»⁵⁵, то во второй — текстовой разбор и латинский перевод всей 1-й главы этого эпического сказания. Почему во второй тетради Иванов вместо русского перевода дает перевод на латинский, с определенностью сказать трудно; можно лишь высказать предположение о том, что первая (и более объемная) тетрадь отражает занятия Иванова с Томашевским, а вторая — личные занятия писателя санскритом. И нет ничего удивительного в том, что талантливый лингвист, написавший и издавший свою диссертацию о римских публикациях на латинском языке⁵⁶, решил перевести древнеиндийскую поэму именно на латынь.

Кроме лексического разбора и перевода на латинский язык 1-й главы «Наля и Дамаянти», вторая «санскритская тетрадь» отразила занятия Иванова также ранневедийским санскритом, а именно гимном к Ушас — ведийской богине утренней зари (в тексте «Гимн к Ушас»). Писатель разбирает начало гимна («Ригведа». I. 48. 1) и дает русский перевод⁵⁷. В учебнике Кнауэра (в отличие от учебника Миллера и Кнауэра) приводятся некоторые ведийские тексты, в том числе и ряд гимнов «Ригведы» (гимн богу Агни [I. 1], гимн богу Варуне [VII. 89] и последний гимн этой самхиты [X. 191. 4]), но гимн в честь Ушас отсутствует. Каким изданием «Ригведы» пользовался Иванов, сказать трудно; очевидно, изданием Макса Мюллера (Лондон, 1892).

Интересно, что в учебном словаре Кнауэра почти нет ведийских слов, и Иванов, по-видимому, разбирал текст гимна к Ушас либо с помощью Томашевского, либо обращался к одному из известных тогда санскритских словарей и пособий⁵⁸. Вспомним, что еще Миллер, по свидетельству Милюкова, читал со своими студентами гимны «Ригведы». Судя по записям Иванова, его особенно интересовало ведийское стихосложение; он считал количество слогов в санскритском тексте гимна.

К древнеиндийскому материалу Иванов обращался в своих лекциях по поэтике, которые он читал в Бакинском университете.

Определенная интерпретация санскрита занимает важное место в представлениях Иванова о поэтическом языке. Сохранилась запись лекций, сделанная С. Тер-Григорьян⁵⁹. В первой же главе своего иностранного курса по поэтике Иванов утверждает: «Начальный язык есть язык поэтический, и начало языка совпадает с началом поэзии», так что «вместе с дифференциацией прозы от поэзии мы и должны видеть возникновение осознанной поэзии в отличие от прозы». И далее: «Язык с самого начала был подвергнут музыкальной обработке. Пример такой обработанности являет Samskrta, что и значит: “благоустроенный язык”; он весь разработан с точки зрения евфонии — благозвучия. Это благозвучие заключается в законе изменения окончания в зависимости от следующего слова в целях благозвучия». Вот еще один из пассажей лекции: «Примером несимметричного стиха может служить санскритская строфа — шлока. Śloka — зов, звук, слова, строфа. Под именем Шлоки — индийская лирика понимает строфу-двустушие, каждый стих которой состоит из двух восьмисложных полустиший, разделенных цезурой. При этом второе полустишие отличается от первого — имеющего более или менее трохаическую форму — тем, что оканчивается всегда на количественный двойной ямб; 1-е полустишие никогда не кончается ямбом: *Àsid ràjà nàl nàma // virasénasuto bali*⁶⁰ (был царь Нала по имени, рожденный Вирасеной, могучий). Константы в шлоке не все постоянны». В опубликованной в Баку книге «Дионис и прадионисийство» Иванов несколько раз обращается к санскритскому материалу; отмечая древнейшие корни («индоевропейское наследие») эллинской религии, он приводит ведийские параллели культа Диониса (культ бога Агни и Атман «браманской философии»), ссылаясь на труд известного немецкого индолога Германна Ольденберга (1854–1920) «Ведийская религия» (*Die Religion des Veda*. Berlin, 1894).

Из Баку, как уже упоминалось, Иванов обратился к Ольденбургу. Письмо он передал через ректора Бакинского университета известного невропатолога С. Н. Давиденкова. Писатель выразил благодарность Непременному секретарю Академии, который через Гревса послал

ему «бумагу от Академии (от 4 мая 1920 г. за № 417), приказывающую обеспечить мою научную работу за границей»⁶¹. Иванов обратился к Ольденбургу с просьбой возобновить прежнюю несостоявшуюся командировку: «Быть может, по изменившимся обстоятельствам, Вы могли бы найти какой-либо путь облегчения реализации таковой командировки, для меня важной поистине существенно, через Петербург в Москву. Такова моя особливая просьба к Вам, за прямое изложение коей приношу Вам, к чьей доброте я так откровенно прибегаю, глубочайшее извинение, если нарушаю при этом пределы того, что подлежит собственно Вашему ведению и влиянию»⁶².

Уезжая из Москвы в Рим, «чтобы там жить и умереть»⁶³, Иванов мог взять с собой лишь самые важные для научной работы книги и материалы, но даже среди этого необходимого — тетрадь для занятий санскритом. Значит, Индия и ее культура продолжали привлекать его внимание. И действительно, когда зимой 1934–1935 гг. дочь писателя Лидия Вячеславовна — профессиональный музыкант — увлеклась идеей написать оперу на индийскую тему — «Наль и Дамаянти», то подготовить либретто она попросила отца. И Иванов с радостью согласился. (Обращение Лидии Вячеславовны именно к этому разделу «Махабхараты» было неслучайным: она знала, что ее отец в Баку изучал именно это санскритское сказание; Иванов, естественно, рассказывал дочери о своих увлечениях древнеиндийской классикой.)

Вот как описывает О. Дешарт историю написания оперы и либретто к ней: «Из задуманной трехактной драмы В.И. написал лишь первое действие. Зимой 1934–1935 года дочь В.И. — Лидия Вячеславовна (композитор, профессор Римской консерватории “Santa Cecilia”) решила написать оперу — “Наль и Дамаянти”. Главною темою, музыкальной и фабулярной, была для Л.В.И. тема азарта, игры в кости; она пыталась сохранить дух древних текстов, ходила по библиотекам в поиске источников, продумала характеры героев и распределение сцен. Однажды, рассказывая отцу о своих литературно-музыкальных планах, Лидия вдруг спросила: “А почему бы тебе не написать для меня либретто на тему «Наля»?” В.И. с радостью принял предложение сотрудничества. Он незамедлительно принялся писать, но сразу увлекся своими собственными мыслями и вымыслами по поводу индусской сказки, которую с юности любил (подчеркнуто нами — Г.Б.-Л.)М. Закончив первый акт, он показал его дочери. Лидия пришла в восторг от стихов, но стала решительно возражать на постановку основного вопроса и на интерпретацию действующих лиц. Разгорелся спор; они расходились во всем: в понимании зла, в определении характера вины Наля и в истолковании смысла возмездия. Лидия обязательно хотела убрать Амву, с которой В.И. не соглашался расстаться. Споры

их не были плодотворны: В.И. небрежно бросил куда-то тетрадку со стихами о Нале и Дамаянти. Стихи те не только не были напечатаны, но их, кроме членов семьи, никогда никто не читал»⁶⁵.

В 1974 г. эта тетрадь со стихами была опубликована: в ней оказался текст не только 1-го действия, но и часть 2-го⁶⁶. Хотя в Италии существовало немало переводов «Наля и Дамаянти» (начиная с 1847 г.)⁶⁷, Иванов, прекрасный знаток итальянского, безусловно, сам «создавал» свое либретто. Стихотворный текст Иванова по сюжету в целом близок к оригиналу, но акценты расставлены по-иному: таков был авторский замысел. Амбы в индийском сказании нет, но разве не вправе автор включать новые персонажи в свою пьесу? Жаль, что споры Иванова с дочерью не позволили ему завершить пьесу в стихах, но сам факт обращения писателя к индийской тематике уже в Риме, через 15 лет после занятий санскритом с разбором и переводом этого сказания в Баку, — факт весьма знаменательный.

